

ЕВГЕНИЙ КУДИМОВ

Портрет Воланда

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН-ПРИТЧА

Евгений Кудимов

**Портрет Воланда.
Фантастический роман-притча**

«Издательские решения»

Кудимов Е. В.

Портрет Воланда. Фантастический роман-притча /
Е. В. Кудимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969335-8

Книга представляется мне одной из попыток заговорить в художественной форме о серьезном — об иных, Божественных знаниях, сокрытых в Священном Писании, и таким образом дать пищу для ума людям, стремящимся без лицепрятия признанных человечеством авторитетов найти путь к Истине, к Богу, размышляющих о существовании и спасении человеческой души...

ISBN 978-5-44-969335-8

© Кудимов Е. В.
© Издательские решения

Содержание

К читателю	6
Часть 1.	8
Глава 1.	8
Глава 2.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Портрет Воланда Фантастический роман-притча

Евгений Викторович Кудимов

Роман посвящается:

– моим родным и близким друзьям, в чьи сердца мне хочется
достучаться в первую очередь;
– всем людям, живущим на Земле.

© Евгений Викторович Кудимов, 2019

ISBN 978-5-4496-9335-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор выражает благодарность и признательность:

– духовным братьям и земным друзьям, писателям-богословам из Санкт-Петербурга

Полякову Евгению, автору революционной для человеческого сознания дилогии «Одна версия предательства Иуды», в основу которой положен метод аллегорического толкования Библии.

Дилогия, отвергая буквальное понимание священных текстов и приоткрывая тайны пророков и евангелистов, изменяет многовековые, упрощенные, представления людей о библейских событиях и персонажах, устраняет целый ряд так называемых противоречий и указывает спасительный путь к Истине;

Фарзалиеву Александру, автору книги «Казнить нельзя помиловать», продолжающей в лучших традициях изъяснение тайн Писания, скрывающихся за внешней плотью слова.

По сути своей данный роман является художественным выражением многих дерзновенных мыслей этих людей, пронизанных Откровением Святого Духа.

– **любимой жене Светлане**, верной и надежной спутнице, поддерживающей мои творческие изыскания.

– **духовному брату Краснокутскому Александру**, чьи мысли и дружеская критика заставили меня переосмыслить содержание нескольких глав романа и написать дополнительный материал. Необходимо также отметить, что исключительно благодаря финансовой поддержке Александра эта книга смогла увидеть свет.

К читателю

Прежде всего, автору хотелось бы отметить, что книга, которую читатель держит в руках, ни в коей мере не является попыткой написать в угоду времени и сложившемуся литературному рынку коммерциализированное и заведомо бессмысленное продолжение бессмертного произведения М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Будучи большим почитателем писательского таланта Михаила Афанасьевича и в полной мере разделяя мнение многочисленной армии его поклонников, автор считает однозначно законченным и не нуждающимся в правке или доработке роман великого писателя, посвященный Иисусу, Понтию Пилату и щемящей сердце земной любви Мастера и Маргариты.

И о каком продолжении булгаковской темы вообще может идти речь, если даже неоднократные попытки, предпринятые известными людьми, не лишенными таланта, экранизировать или воспроизвести на театральной сцене этот шедевр писателя, заканчивались, мягко говоря, не вполне удачно? Нет, нет, и еще раз нет!

В отличие от М. А. Булгакова, в определенной мере придерживавшегося традиционной трактовки известных библейских сцен, автор имеет дерзновение предложить вниманию читателя иной взгляд на события Страстной пятницы и на тех персонажей Нового Завета, которых человечество упрямо считало и считает воплощением зла, искушения, коварства и предательства, – на Дьявола и Иуду.

Что заставило автора взяться за перо?

Изошренная фантазия, не дающая покоя ни днем, ни ночью? Зависть к известным мастерам художественного слова? Склонность к графомании?

Нет, всего лишь желание помочь думающим людям найти собственную тропу, ведущую к Истине, к Богу, к спасению человеческой души. Ибо есть буква Писания, и есть дух Писания: «Буква убивает, а дух животворит!».

И за плотью буквы в Библии скрыты Божественные тайны – духовное понимание Писания.

Именно об этом подробно писали мои духовные братья и друзья – писатели из Санкт-Петербурга Евгений Поляков и Александр Фарзалиев в своих книгах «Одна версия предательства Иуды» и «Казнить нельзя помиловать».

И автор по мере данных ему сил всего лишь попытался в художественной форме рассказать о необходимости нового, спасительного понимания библейских текстов и учения Иисуса.

«Вы не так poznали Христа!» – говорил апостол Павел. Актуальность его слов, увы, не утрачена и для теперешнего поколения!

Библейские события не прекращались, они вечны во времени и постоянно происходят в человеческих душах!

И не напрасно сказал Иисус сын Сирахов: «Когда нечестивый проклинает сатану, он проклинает свою душу!»

В свое время автор глубоко задумался над этими словами и, опираясь в первую очередь на духовные изыскания моих друзей, а также на результаты собственных размышлений, предлагает принципиально другое видение главного источника «зла» во Вселенной.

Автор не выдумал полностью сюжет предлагаемой на суд читателя книги, и многие эпизоды в ней, и преображенная свита Воланда, и Зеркало судьбы, и Колодец откровения, и Дом ожидания, принял перед написанием романа как некую данность.

Я верю в Бога и знаю, что у каждого человека, живущего на Земле, и у любой разумной сущности, проживающей в иных мирах нашей Вселенной, есть душа. Каждый из нас, хочет он этого или нет, участвует в грандиозном процессе познания Богом Самого Себя, но не всякий понимает это, и не всякое познание спасительно.

И нет более важной задачи для людей, и для всех разумных форм, чем спасение собственной души. Спасение через открытие не в мире, а в себе, Господа Бога во всей Его полноте.

Люди, возлюбите мудрость! Откройте глаза и уши и обратите их внутрь себя! Бог там, Он ждет вас!

«Пусть спящий проснется!» – вот главная идея романа.

P.S. Все персонажи романа являются вымышленными, поэтому любое совпадение событий, фамилий, имен и иных фактов является случайным.

Часть 1.

Украденная картина

Глава 1.

Тайна старого художника

Заливистая трель телефонного звонка в очередной раз нарушила непродолжительный покой дежурного по отделению Петроградского РУВД города Санкт-Петербурга.

– Дежурный слушает, – привычно и монотонно произнес в трубку старший лейтенант милиции Клочков, испытывая легкое раздражение из-за того, что уже в третий раз он вынужден отложить в сторону бутерброд с колбасой, завернутый утром заботливой женой в целлофановый пакетик.

Старческий голос, с легкой хрипотцой, с другого конца телефонного провода был явно взволнованным:

– Это милиция? Срочно приезжайте! Большой проспект, дом 7, квартира 13. Звонит пенсионер Рохальский. Меня обворовали. Да, да, пока я был на даче. Пропали ценные вещи... Да, очень ценные. Сигнализация? Установлена, но она почему-то не сработала. Умоляю вас, приезжайте как можно быстрее. Для меня это вопрос жизни и смерти...

– Хорошо, не волнуйтесь. Ждите, к вам выезжает оперативная группа.

– Как говоришь, фамилия старика? Рохальский? На Большом проспекте живет? – подполковник Ерошкин слегка задумался. – Ах да, помню такого. Одиноким старичок-художник. Лет пять тому назад схоронил единственную дочку. Она вместе с мужем на машине разбилась, где-то в пригороде. Ты его должен помнить, Клочков. Я допрашивал старика в качестве свидетеля по делу о контрабанде антиквариата и пропавших картинах из Русского музея. Помнишь, в Выборге, на таможне, ребята нашли среди прочих вещей картины Рохальского. Надо сказать, весьма талантливо написанные. Питерские фарцовщики скупали их у него за сравнительно небольшие деньги, а потом втридорога продавали за границу. Так что мы с ним некоторым образом знакомы. Знаешь что, поеду и я, пожалуй, прокачусь с оперативной группой, наведаю старика. Кто у нас нынче из следователей дежурит?

– Новенький, лейтенант Круглов.

– Вот ему, кстати, и поручим это дело. Молодой, кровь кипит. От усердия из штанов выпрыгивает. Такой детской лопаткой за месяц подземный тоннель от Москвы до Бомбея прокопает.

– Да уж, в прыти ему не откажешь, – улыбнулся Клочков.

– Машину к подъезду через пять минут, – распорядился подполковник.

– Прокопать-то я и до Нью-Йорка прокопаю, но как нестати эта кража, лучше бы с завтрашнего утра ею заняться, – с тоской думал Круглов, мечтательный худощавый шатен среднего роста, с карими глазами и коротко подстриженными волосами, трясаясь в казенной машине и вспоминая ожидающие его дома котлеты с жареной картошкой, поддернутую инеем бутылку водки «Парламент» в холодильнике и, самое главное, молодую жену Веру...

Что ж, не будем слишком строги к нему, читатель, ведь с момента заключения Кругловым брачного союза не прошло и трех месяцев, и кровь бурлила у лейтенанта не только на работе.

– Нет, не поймет меня этот старый черт, – искоса взглянул Круглов на сидевшего рядом с ним в машине заместителя начальника Управления подполковника Ерошкина, хотя «старому черту», надо признаться, в ту пору исполнилось всего лишь сорок лет. – Ладно, попробую думать о чем-нибудь другом. О Нью-Йорке, например. Вчера про Америку интересная пере-

дача была по телевизору. Нью-Йорк показывали. Какой интересный город! Бродвей, Центральный парк, небоскребы... Эх, хоть в мечтах там побываю.

«С такой работой и зарплатой о Нью-Йорке нечего и мечтать, – ехидно прошептал ему внутренний голос. – Смотри по телевизору передачи „Вокруг света“, „Непутевые заметки“ с Дмитрием Крыловым и не рыпайся. В лучшем случае поедешь вместо Америки на дачу к родственникам, в Приозерск...»

Скрип тормозов прервал невеселые размышления Круглова.

– Приехали, лейтенант, – дернула его за рукав криминалист Сидорина, симпатичная 37-летняя брюнетка, строго следящая за своей фигурой, двумя детьми и мужем, доцентом Технологического университета. – Выходим.

Старый художник, казалось, был смертельно напуган. Бархатный берет, прикрывающий торчащие во все стороны жиденькие пряди седых волос, был сдвинут на затылок. Темные пятна от пролитого им успокоительного лекарства образовали непрерывную цепочку от груди до коленей на полинявшем и вытянутом вельветовом костюме бежевого цвета. В комнате резко и пронзительно пахло больницей.

– Ба, старый знакомый! Петр Константинович! – протянул ему руку Ерошкин. – Рассказывайте, что у вас случилось...

– Александр Иванович, дорогой, – узнал подполковника прослезившийся художник и радостно бросился к нему навстречу. – На вас вся надежда. Выручайте старика, иначе... не миновать беды. И мне, и всем вам...

– И нам? О чем это вы, дорогой мой? – недоуменно спросил Ерошкин, подняв удивленно брови, но затем быстро перевел все в шутку. – У вас хранились боевые отравляющие вещества времен Первой мировой войны? Или пушечный плутоний? Их и украли?

– Вы все шутить изволите, а у меня картина пропала, – понизив голос, сказал Рохальский и почему-то испуганно огляделся по сторонам, словно боялся увидеть что-то очень страшное.

– Какая картина? – поинтересовался Круглов.

– Что, одна картина? – с явным разочарованием вступила в разговор Сидорина. – И все?

– Нет, не только картина. Деньги, хрусталь, драгоценности жены моей покойной... Даже заначку мою долларовую, на похороны держал, и ту сперли... Да Бог с ним, со всем этим барахлом! Вы мне, главное, картину разыщите!

– Что же за картина такая? – не выдержал Круглов. – Видимо, старинная? Кто художник? Чья школа?

– Александр Иванович, можно вас в сторонку? На пару минут... – Пройгнорировав вопрос лейтенанта, старик потянул Ерошкина в другую комнату.

– Хорошо. Осмотрите пока квартиру, – обратился подполковник к Сидориной и Круглову. – Проверьте замки, окна. Лидочка, особое внимание уделите сигнализации. Не могли же воры через стену проникнуть? Или, возможно, кому-то из знакомых Рохальского был известен код и пароль сигнализации? Потом вместе с хозяином составьте список пропавших вещей и ценностей. Опросите соседей. Может быть, кто-нибудь что-то видел или слышал.

Оставшись наедине с подполковником, старый художник вновь огляделся вокруг со страхом, затем осенил себя крестным знаменем и тихим шепотом, слегка запинаясь, произнес:

– Украденная картина написана мной...

– А-а, понятно, – чертыхнулся про себя Ерошкин, но вслух сдержанно произнес: – Я понимаю, она дорога вам как память... На ней изображены близкие вам люди? Ваши родители?

Старик молчал, погрузившись в свои воспоминания.

– Жена? – участливо спросил подполковник.

– Скажите, Александр Иванович, вы читали роман Булгакова «Мастер и Маргарита»? – неожиданно спросил Рохальский, будто не слыша заданных ему вопросов.

– Ну да, читал в свое время, – удивленно буркнул Ерошкин, – году эдак в восьмидесятом или в восемьдесят первом... А при чем здесь Булгаков?

– Дело в том... – старик запнулся и опять перешел на шепот, – что на этой картине я нарисовал Воланда с его свитой...

«Вот старый идиот!» – в сердцах подумал Александр Иванович и спросил:

– Ну и что же в этой картине ценного или необычного? Разве что ваша память...

– Видите ли... – Художник наклонился к уху Ерошкина и прошептал: – Я писал эту картину с натуры...

– Так и есть! Все-таки старик спятил, – мелькнуло в голове у милиционера, – а жаль...

Он внимательно посмотрел в глаза Рохальскому. Удивительно, но никаких признаков безумия Ерошкин в них не заметил. Умные, выразительные глаза, в которых до сих пор плескался страх. Может быть, еще отчаяние. Но не безумие, нет!

– Как прикажите вас понимать, Петр Константинович? – задал ему вопрос подполковник, борясь со жгучим желанием немедленно послать старика куда подальше со всей его бредятиной.

– Это длинная история... Но извольте, я расскажу вам ее. Картина написана мной в 1937 году. Тогда я, молодой, бесшабашный художник, постоянно голодный и жадный до денег и славы, проживал в Москве на съемной квартире в Обуховом переулке, дом 9. Мне посчастливилось водить знакомство с Булгаковым, Олешей, Катаевым, Ильфом и Петровым...

Ах, какие это были прекрасные и незабываемые дни моей жизни! Мы часто собирались на квартире у Булгакова по вечерам. Пили вино, читали стихи, пели, смеялись и спорили до хрипоты...

Я демонстрировал друзьям свои ранние работы. В те годы символизм и футуризм были загнаны в подполье и официально господствовал так называемый социалистический реализм. Рабочие будни и трудовые вахты, колхозники на полях, рабочие у станков, знамена Первомай, ну, и разумеется, великий вождь со своим окружением. Я, грешным делом, отдавая дань времени и помня о собственной безопасности, тоже выполнял ряд заказных работ.

Но в узком кругу я показывал совершенно другие картины. На них черные ангелы зловещими птицами падали на опустевшие города, люди сходили с ума и превращались в животных... Демоны с мечами в руках, пересохшие реки, зарево на горизонте, и все, знаете ли, такое и тому подобное...

Булгаков, в свою очередь, иногда читал нам главы своего будущего романа «Мастер и Маргарита». Всем безумно нравилось, а я тогда тихонько подсмеивался над ним, считая, с одной стороны, его роман выдумкой и фантазией, а с другой стороны, чуть ли не религиозной пропагандой.

– Вы что, Михаил Афанасьевич, – говорил я ему, – хотите сказать, что Христос все-таки существовал? И дьявол тоже? И вы верите в это? Вы знаете, что я вас люблю и очень уважаю, но, извините меня, нельзя же лить воду на мельницу религиозного дурмана. И это в то время, когда в нашей стране строится социализм и церковь практически отделена от государства. А если о вашем романе узнают в НКВД?

– Но ты ведь об этом им не расскажешь, – грустно улыбался Булгаков. – А если и расскажешь, то я надеюсь, дашь иную политическую оценку...

– Я не расскажу, и друзья мои и ваши не расскажут. Но вокруг нас не только друзья, поймите это.

– Значит, мой роман увидит свет в иное время, – отшучивался писатель. – Вы же все можете считать его сказкой для взрослых. Хотя, глядя на твои картины, никогда не скажешь, что ты убежденный атеист.

Но однажды вечером, когда гости уже разошлись, а я задержался в гостинной, упаковывая свои картины, Михаил Афанасьевич подошел ко мне и сказал:

– Не знаю почему, но все же хочу открыть тебе маленькую тайну, Петя. Я не случайно пишу этот роман. И я должен обязательно дописать его, – он поднял на меня взгляд, такой выразительный и грустный, – перед тем, как уйду в мир грез.

Затем он положил мне на плечо свою руку и добавил:

– А тайна заключается в том, что я лично видел Воланда и его свиту...

– Бедный Булгаков, – подумал я в ту минуту, – он сошел с ума от своих фантазий! – Я был однозначно убежден в помутнении его рассудка. Впрочем, вы ведь тоже считаете, что я сумасшедший, не так ли, Александр Иванович?

От такого внезапного вопроса Ерошкин вздрогнул.

Рохальский слегка улыбнулся и продолжил:

– Когда я уходил, Михаил Афанасьевич долго держал меня за руку, видимо, чувствуя, что мы с ним больше не увидимся, и наконец сказал:

– Мне кажется, Петя, что ты скоро получишь подтверждение моим словам.

Последней фразой были слова из его будущего романа: «Поверь хотя бы в то, что дьявол существует...»

Я вернулся к себе домой озадаченным и расстроенным состоянием здоровья моего дорогого друга. Я даже намеривался, посоветовавшись с Катаевым, пригласить к Михаилу Афанасьевичу на выходные дни опытного московского врача Никольского. Однако через два дня, возвратившись к себе на квартиру в полночь, я обнаружил там незваных гостей, увидев которых, едва не лишился рассудка сам.

– И кто же это был? – иронично поинтересовался Ерошкин.

– Вы напрасно смеетесь, Александр Иванович, – строго сказал хозяин. – Это и был Воланд со своей свитой, сошедший со страниц романа Булгакова. Он предложил мне написать его портрет, взяв с меня слово, что картина никогда не будет демонстрироваться публично и не покинет пределы моей ленинградской квартиры...

– Вы хотите сказать, что он заранее знал о вашем возвращении в Ленинград? – внешне стараясь держать себя в рамках приличия, но в душе считая старика окончательно свихнувшимся, спросил подполковник, а про себя подумал с изумлением: «Я задал ему вопрос о Воланде так, как будто он и в самом деле существует. Нет, с этим Роухальским определенно можно и самому с катушек слететь...»

– Разумеется, – ответил старый художник. – Воланд знает все. И на Земле, и во Вселенной все находится в его власти.

Ерошкин не выдержал и выразительно хмыкнул:

– Так уж и все...

– И я боюсь, – старик очередной раз начал впадать в состояние панического страха, – что утрата картины и сегодняшний разговор мне дорого обойдутся.

– Успокойтесь ради бога, Петр Константинович, успокойтесь. В обиду мы вас никому не дадим. А картина ваша, я думаю, скоро найдется. Это все-таки не иголка в стогу сена, – желая успокоить Роухальского, убежденно проговорил Ерошкин. – А теперь давайте-ка лучше поможем моим сотрудникам составить полный список украденных вещей и разобраться с вашей сигнализацией. Надеюсь, в ближайшие дни мы сумеем выйти на след преступников.

Вернувшись в гостиную, подполковник обнаружил Круглова и Сидорину стоящими перед правой от входа стеной у отодвинутого в сторону стола, накрытого тяжелой вишневой скатертью с кистями, и оживленно размахивающими руками. Лицо Круглова сияло победной улыбкой.

– Вижу, вижу, лейтенант, что-то ты раскопал. Ну, давай, хвались, докладывай скорее, – довольным голосом произнес Ерошкин.

– Разрешите по порядку, товарищ подполковник? – улыбка лейтенанта стала еще шире. – В первую очередь мы с Лидией Николаевной исследовали входную дверь, окна и сигнализацию.

Сигнализация работает отлично, без сбоев. Прозвонили на пульт дежурному: никаких попыток проникновения в квартиру посторонних лиц не выявлено. В компьютере зафиксирован факт сдачи квартиры под охрану гражданином Рохальским в пятницу. Я так понимаю, перед отъездом на дачу, – художник утвердительно качнул головой, – а также факт снятия квартиры с сигнализации сегодня, в понедельник, в 14.30.

– Да, именно так, – подтвердил старик, – в это время я вернулся домой с вокзала. У меня еще соседка на площадке спросила, который час. Я посмотрел на часы: было 14.25. Затем открыл квартиру, отключил сигнализацию, позвонил диспетчеру. Оно так и выходит: 14.30.

– Продолжай, лейтенант, – одобрительно кивнул Ерошкин.

– Фактов взлома или повреждения запирающих устройств, замков, окон и дверей не установлено. Исследовали пол и потолок на кухне, в коридоре, в ванной комнате и туалете – ничего...

– Ну-ну, – нетерпеливо прорычал Ерошкин, – не тяни кота за хвост, Круглов.

– ...И тут решил я заглянуть в гостиную под стол. Сам не знаю, почему. Наверное, интуиция подсказала. Смотрю, куски обоев в нескольких местах торчат. Толкнул стенку в этом месте, а она и зашаталась...

– Проломили??

– Скорее, аккуратно выпилили. Стенка не капитальная: дерево, гипс... Но сработано по высшему классу. Настоящие мастера, даже мусор за собой убрали. А с обратной стороны и обои наклеили.

– Откуда знаешь? – удивился подполковник.

– Обижаете, Александр Иванович! Пока вы с художником разговаривали, я успел навестить соседей за стенкой...

– Молодец, Круглов! Шустрый ты... как электрический веник. Думаю, что ты и в самом деле при случае тоннель до Бомбея прокопаешь.

– Если позволите, до Нью-Йорка, товарищ подполковник, – польщенный похвалой начальника, поправил его Круглов.

– Почему до Нью-Йорка? У тебя что там, родственники?

– Никак нет, он мне просто два раза во сне снился. И я подумал, вот было бы интересно воочию этот город посмотреть.

– Ишь ты куда замахнулся, лейтенант! – погрозил ему пальцем Ерошкин. – Смотри, кому из наших ребят не скажи – засмеют!

Потом, усмехнувшись, махнул рукой:

– Ладно, копай до Нью-Йорка. Докладывай дальше.

– Обычная коммунальная квартира. Восемь квартиросъемщиков. Интересующая нас комната на замке. Запасной ключ взял у соседки, Антонины Петровны Степановой. Она-то мне и рассказала, что данная комната принадлежит Варваре Семеновне Погремухиной, пенсионерке, которая сдает ее «азерам»... извините, товарищ капитан, азербайджанцам. Торгашам с Сытного рынка.

– Фамилии назвала?

– Никак нет, Александр Иванович. Их, говорит, здесь уже десятка три поменялось, а для Степановой они все на одно лицо. Черные, страшные, и воняют гнилыми фруктами. Правда, тихие, не скандальные. За жилье и электричество платят во время. Утром уходят, поздно ночью приходят, таскают взад-вперед мешки и ящики. Жалуется, что всю квартиру провоняли. Но последние две недели никого не видела, словно сквозь землю провалились.

Что касается картины, то она вырезана из подрамников, предположительно, строительным ножом. В секретере найдены пустые коробки из-под ювелирных изделий, разорванный конверт...

– В нем доллары у меня лежали... – заохал художник, – гробовые...

– Большая сумма? – поинтересовался Ерошкин.

– Три тысячи долларов... – обреченно вздохнул художник.

– Так, так. Понятно... Слушай меня внимательно, Круглов, и записывай. За квартирой установить скрытое наблюдение. С соседкой Степановой подружиться и дать ей наш дежурный телефон. Если кто-то появится из кавказских квартирантов, пусть сразу же позвонит. Опроси ее еще раз, составь приметы тех, кого она сможет вспомнить. Лидочка, попробуйте поискать отпечатки пальцев, прежде всего на месте пролома в стене. Да, кстати, снимите пальчики Рохальского. Обязательно. Внимательно осмотрите спальную комнату. Может быть, что-нибудь там найдется. Составьте список украденных вещей и копию завтра мне на стол. И вот еще что...

Ерошкин отвел в угол Круглова и Сидорину:

– Старик, похоже, с горя помешался. Про дьявола что-то рассказывает, про Булгакова, «Мастера и Маргариту». Утверждает, что на украденной картине им собственноручно нарисован с натуры дьявол со всей его свитой...

– Вот заливает дед! – улыбнулся Круглов, а сам подумал: «Любопытно было бы на эту картину взглянуть хотя бы одним глазком...»

– Так что будьте с ним поделкатнее, не волнуйте понапрасну. А то потом будут говорить, что это мы его с ума свели. Все, я уехал. Жду вас завтра утром с докладом.

– Александр Иванович, а может быть, завтра с утра и начнем? – робко закинул удочку Круглов. – Поздно уже, и жена у меня дома волнуется...

– У всех жены дома, Виталик, и все волнуются, – отрезал подполковник. – Моя тоже волнуется. Помнишь песню: «Наша служба и опасна, и трудна...»? Понимаешь, трудна. Ущучил? Поэтому разговорчики отставить и за работу!

Ерошкин подошел к неподвижно застывшему в кресле Рохальскому:

– Вынужден покинуть вас, Петр Константинович. Служба, ничего не поделаешь. Оставляю вам следователя Круглова и эксперта-криминалиста Сидорину. Круглов будет заниматься вашим делом, держите с ним связь. Надеюсь, что с его и вашей помощью мы скоро найдем злоумышленников.

Ерошкин хлопнул дверью. Старый художник с недоверием посмотрел на сотрудников милиции и прошептал:

– Господи, помоги им! Помоги нам всем! Иначе... он вернется...

– Кто вернется, папаша? О ком это вы? – в душе подсмеиваясь над стариком, спросил Круглов.

– Дьявол вернется в человеческом облики. Нельзя этого допустить, иначе больших бед он понаделает. – Рохальский умоляюще скрестил перед собой руки. – Найдите и верните на прежнее место мою картину, я вас очень прошу! Заберите себе и золото, и деньги, только картину верните. А ко мне приставьте вооруженную охрану...

– Найдём, папаша, непременно найдём! А насчет охраны вам лучше с Александром Ивановичем завтра поговорить. – Лейтенант повернулся к Сидориной и выразительно качнул головой: дескать, прав был Ерошкин, «съехал» старичок...

– Завтра может быть поздно... – грустно и отрешенно прошептал в сторону пригорюнившийся хозяин.

– Бросьте вы, дорогой товарищ, завтра уже не за горами. – Круглов выразительно взглянул на часы. – Так, давайте, Петр Константинович, приступим к делу. Время не ждет...

– К делу, говорите? Ну что же, давайте приступим.

Старик подсел к столу и, окинув лейтенанта цепким взглядом, неожиданно спросил:

– Скажите, товарищ следователь, а вы тоже считаете меня сумасшедшим?

– Что вы, что вы, папаша, и в голову ничего подобного не приходило, – хорошо помня наказ начальника не волновать потерпевшего, уверенно выпалил Круглов, но при этом густо покраснел.

– Вы даже не представляете, что нас ожидает, если в ближайшие дни картина не вернется на прежнее место, – многозначительно поднял указательный палец вверх художник и добавил, отчетливо выговаривая каждое слово:

– Запомните мои слова, лейтенант, хорошенько запомните. Мой покойный приятель, Михаил Афанасьевич Булгаков, которого я в свое время тоже посчитал сумасшедшим, пытался меня предупредить... – внезапно старик резко поднялся из-за стола и схватился одной рукой за сердце.

– Что с Вами, Петр Константинович? – кинулась ему на помощь Сидорина. – Может быть, примите что-нибудь от сердца? Виталий, подай стакан воды...

– Не надо воды! Я абсолютно здоров, и я не сошел с ума! Вы же не слышите меня, вы не хотите мне поверить! – И вдруг, прервав свою речь, старый художник с необычным для его возраста проворством подбежал к окну, на стеклах которого, как показалось Сидориной, проявились какие-то кабалистические знаки.

– Смотрите, смотрите! – Рохальский лихорадочно забарабанил пальцами по стеклу. – Вы видите это?

Круглов одним прыжком оказался возле старика, внимательно оглядел оконные стекла и даже выглянул во двор, однако, ничего не обнаружив, разочарованно вздохнул и с укоризной посмотрел на художника:

– Вы явно переутомились, папаша.

– Я погиб, я погиб... – Зубы Рохальского начали отстукивать бешеную дробь. – Это был его знак...

– Какой знак, Петр Константинович? – раздраженно буркнул лейтенант. – Это Вам просто померещилось, нет там ни хрена...

Сидорина в недоумении покачала головой:

– Ты знаешь, Виталий, мне кажется, что я видела на стеклах какой-то странный рисунок...

Вооружившись лупой, она минут пятнадцать провозилась у подоконника, после чего сокрушенно развела руками:

– Действительно, никаких следов....

Старик обессилено рухнул в кресло и испуганно сжался в комок:

– Он лишает ума и зрения всех кого захочет. Вот и вы уже попали под его влияние. А он... – Глаза Рохальского наполнились ужасом и безумием. – Боже мой! Он и сейчас говорит во мне... Он говорит, что скоро и вам, и всем петербуржцам будут представлены весомые доказательства существования дьявола...

Круглов тихонько хихикнул и незаметно для художника недвусмысленно покрутил пальцем у виска.

Глава 2. И он вернулся...

В среду утром в кабинете Круглова зазвонил городской телефон.

– У аппарата, – надеясь услышать голос жены, обрадовано схватил он трубку и вспомнил, как на прошлой неделе они разыграли по телефону жену старшего следователя Фролова. Дождавшись в тот день звонка своей благоверной, Фролов поднял трубку и, как будто не слыша ее голоса, сказал казенным голосом: – Одну минуточку, подождите, – и, повернувшись к Круглову, вдруг закричал зверским голосом: – Ты будешь отвечать, сволочь? Не будешь? Получай! На тебе, еще, еще! – и, подмигнув лейтенанту, несколько раз ударил по столу увесистым томом Уголовно-процессуального кодекса. – Теперь будешь говорить, мерзавец?

– Буду! – тонким писклявым и жалостным голосом подыграл ему Круглов, еще не до конца осознавший, в чем дело, но понимая, что это, видимо, какой-то розыгрыш.

– Да, – снова взял в руки трубку Фролов. – Ах, это ты, дорогая? Привет, привет! Да, буду к семи. Не забудь подогреть голубцы. Целую.

– Андрей Владимирович, так это ты с женой разговаривал? – потрясенно произнес лейтенант, все еще не веря своим ушам.

– Воспитываю, – Фролов дважды, со значением, поднял брови, – и тебе советую сделать то же самое. Страх рождает уважение. Хочешь, в следующий раз твою жену разыграем?

Однако на проводе была не Вера. Тихий старческий голос спросил:

– Могу я услышать следователя Круглова?

– Это я... – и разочаровано, и удивленно произнес лейтенант.

– Вас беспокоит Антонина Петровна Степанова, соседка Рохальского. Срочно приезжайте, товарищ лейтенант. С соседом беда приключилась...

– Какая беда? – еще ничего не понимая, но чувствуя сердцем что-то недоброе, спросил следователь.

– Сгорел дотла...

– Как сгорел? – Круглов ошеломленно опустился на стул.

– Сами увидите. Мы до сих пор поверить не можем в случившееся, – прошамкала бабуля. – А дело, значит, было так. В полночь из его квартиры гарью и дымом потянуло, но огня не было видно. Я не спала, позвонила ему в дверь – не отвечает. А гарью все пахнет и пахнет. Подняла на ноги соседей, и мы решили вызвать пожарную машину. Пожарные приехали, сломали дверь, а он лежит на полу уже обугленный...

– Ждите, выезжаем, – дрожащими от волнения руками Виталий набрал номер телефона Ерошкина. – Александр Иванович, у нас ЧП. Рохальский сгорел...

– Знаю, мне уже доложила служба наружного наблюдения. Выезжайте с Сидориной на место происшествия. Срочно!

В квартире Рохальского действительно пахло гарью и еще почему-то ладаном. Труп художника, обгоревший до неузнаваемости, лежал посреди гостиной. Паркет, почерневший и обуглившийся, образовал под его телом темное пятно яйцевидной формы площадью около четырех квадратных метров. Самым поразительным было то, что в квартире от пожара больше ничего не пострадало.

Сидорина тронула за плечо застывшего перед телом старика и все еще не пришедшего в себя от потрясения лейтенанта Круглова:

– Посмотри, какое странное совпадение, Виталий! Форма пятна на потолке в точности соответствует форме обгоревшего паркета. И при этом, заметь, цела вся мебель, и даже шторы не воспламенились от температуры пламени. Пожарники, похоже, ничего не тушили, а всего лишь взломали дверь...

– Как же это так, Лидия Михайловна? – развел руками Круглов. – Может быть, он сам себя поджег? Случайно?

Сидорина наклонилась над телом:

– Попробуем разобраться, – она опустила на колени, внимательно осмотрела тело художника через лупу, обнюхала и, сняв пинцетом несколько кусочков обгоревшей ткани, положила их в стеклянный пузырек. – Не похоже на самоубийство. Тело будто было облито какой-то сильно воспламеняющейся жидкостью, но не бензином или керосином, а чем-то другим. Сделаем анализ, возможно, сумеем определить точно состав горючей смеси. В любом случае, если рассматривать версию самоубийства, то где-то вблизи тела или в карманах потерпевшего должны быть найдены спички, зажигалка...

– Однако ничего такого нет, – облазав всю комнату и обыскав труп, отметил лейтенант. – А вы не исключаете возможную версию убийства старика? Скажем, теми же преступниками, которые похитили его картину?

– Я, милый мой, в работе руководствуюсь фактами и только фактами. А насчет убийства... За двенадцать лет работы в милиции я всякого насмотрелась. Все может быть. Ты лучше пока осмотри окна и двери и побеседуй с соседями: не приходил ли кто-нибудь к Рохальскому ночью? Или в ту комнату, из которой к нему в квартиру залезли...

Круглов вернулся через сорок минут и грустно выдохнул:

– К сожалению, безрезультатно.

– Зато у меня для тебя кое-что есть. Посмотри, что у старика было зажато в левой руке. – Сидорина протянула ему обгоревший по краям кусок листочка из школьной тетради.

Это оказалась последняя записка Рохальского. Буквы плясали в ней вкривь и вкось: «Он вернулся».

– Не может быть! – Виталий машинально сделал шаг вперед и, споткнувшись о тело художника, полетел вперед с вытянутыми руками.

– Ну до чего же суетлив этот молоденький следователь! – подумала Сидорина, и подмигнув обгоревшему телу, произнесла шутливо: – Извини, старик, я не думала, что ты так напугаешь парня... Но ты сам виноват, не надо было путаться у Круглова под ногами...

Вставшему с пола Круглову она укоризненно погрозила пальцем:

– Виталий, если ты еще пару раз пнешь художника, то нам потом будет очень нелегко доказать руководству, что его не забили ногами до смерти сотрудники милиции.

Вернувшись на работу, Круглов первым делом позвонил любимой жене Вере и попросил ее срочно купить или взять у кого-нибудь почитать не выходивший у него из головы роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

К счастью, книга нашлась у соседки Тамары, но она дала роман Вере строго на неделю, наказав не рвать страницы, не закапывать их супом и самое главное, не ставить на книгу сковороду с яичницей.

Всю ночь просидел лейтенант за кухонным столом, жадно поглощая страницу за страницей. Чтение романа так захватило его, что он и не заметил приближения рассвета.

Забывшись на час-полтора тревожным сном, Виталий мелко сучил ногами, ерзая под одеялом, и отчаянно плевался, потому что приснилась ему, как он тогда посчитал, полная нелепица и ерунда.

Будто пришли они вместе с подполковником Ерошкиным в отдел кадров ГУВД, сели перед дверью кабинета с надписью «Начальник кадров», но в слове «начальник» вторая буква «а» куда-то запропастилась. Замигала и загудела красная лампочка над дверью: входите, мол. Вбегают они с Ерошкиным в кабинет, а за столом в военном френче, но без погон, сидит мужчина, до ужаса похожий на Гитлера. Можно сказать, просто копия бывшего вождя немецкого народа, но только без усов и с вьющимися пейсами.

И вот эта копия фюрера кричит им противным, визгливым голосом, произнося букву «р» исключительно на семитский манер:

– Принято решение, товарищи офицеры, срочно командировать вас за границу. Вас, Круглов, – в Нью-Йорк, а вас, Ерошкин, – в Японию.

– Как в Японию? – удивляется Ерошкин. – Я ведь японский язык совсем не знаю.

– В том-то вся и прелесть, дорогой мой, что языка вы не знаете, – орет кадровик. – С языком в Японию любой дурак захочет поехать. А вы им пальцами да командным голосом все и объясните. Где надо, по матери пошлите, тут вы у нас большой специалист, не мне вас учить. А мне по возвращении соответствующий отчетик предоставьте, будьте любезны. И если не забудете, то фотоаппарат последней модели «Sony» прихватите, а денежки я вам здесь натурально отдам.

– Извините, но я английского языка тоже толком не знаю, – робко признался Круглов. – И чего я там буду без языка делать, в этой Америке?

– Эх, молодо-зелено, – грустно вздохнул двойник фюрера и, ткнув пальцем в Ерошкина, завопил, перейдя с Кругловым на «ты»: – Джинсы своему начальнику привезешь, бестолочь! Ты посмотри, как Александр Иванович обносился! И джинсы приличные он сроду не носил. Вы ведь будете носить американские джинсы, Александр Иванович?

– Буду! – неожиданно кивнул головой подполковник.

– Вот видишь! – продолжал орать «Гитлер». – И ребятам в отделе привезешь, и мне, грешному! А насчет языка не изволь беспокоиться – там наших эмигрантов пол-Нью-Йорка бегают. Как собак на помойке...

– А позвольте полюбопытствовать, – в голосе Ерошкина зазвучали уважительно-заинтересованные нотки, – какова цель наших поездок за границу?

– Объяснить руководству стран, лидерам политических партий и представителям крупного капитала, до какого бедственного положения довели в нашей стране несчастных работников милиции. Развели, понимаешь, борьбу с коррупцией и оборотнями в погонах! Совсем житья никакого не стало. А у нас дети малые, жены – домохозяйки, любовницы... – кадровик смахнул слезу рукой. – Короче говоря, пусть готовят там у себя за границей материальную помощь нашим работникам для компенсации предстоящих денежных потерь... Открывают специальные фонды, вводят дополнительные отчисления с каждой коммерческой и государственной компании. И срочно!

– А если откажут? – засомневался Круглов.

– Откажут, говоришь? Тогда пусть трепещут, проклятые капиталисты! Скажите им, что они еще не знают, что такое настоящая русская мафия. Мы к ним за границу переберемся... Всем личным составом, включая руководящий аппарат.

Обалдевшие Круглов и Ерошкин разинули рты:

– А-а...

– И никаких разговорчиков, – категорическим тоном отрезал кадровик. – Вещей и оружия с собой не брать, только удостоверения. Сбор сегодня в полночь.

– Где? – еле ворочая онемевшим от изумления языком, вымолвил лейтенант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.